

Однако на то, чтобы одолеть горный хребет, ушло еще двое суток. Позже Фальк очень не любил вспоминать об этом этапе путешествия. Да и, собственно говоря, вспоминать-то было особенно не о чем: холод, ветер, камни, усталость, голод, боль в мышцах, страх, головокружение. И все это повторялось раз за разом, будто какой-то злой волшебник посадил Фалька в свою чудовищную карусель. Временами Фальку казалось, что они так и будут вечно блуждать среди голых скал. А может быть, сами того не зная, уже и блуждают здесь долгие годы. Но внезапно, увидев внизу Звездную долину, в которой лежал Штерненталь, Фальк понял: одно это мгновение стоило всех тягот и страданий, что пришлось ему испытать в последние дни.

— Итак, мы почти на месте. — Джэйл остановилась на каменном уступе, откуда открывался вид на долину. — Вот он, Штерненталь.

Фальк, глядя вниз, подумал, что попал в страну сказок и снов. Он много раз пытался представить себе, как выглядит Штерненталь — гнездо магов и колдунов. Фальк был очень молод — даже самые тяжелые лишения не могли приглушить его неумолимого любопытства. То ему грезился неприступный замок на высоком утесе, то мрачный лабиринт темных пещер, в глубине которых горит пламя, то причудливый лес из огромных мертвых деревьев, в ветвях которых прячутся дома волшебников. И все же его фантазия оказалась слишком бедной по сравнению с действительностью. Она была поистине невероятна. Штерненталь был не замком, не крепостью, а целым городом, верней, по меньшей мере шестью городами, лежащими в широкой крестообразной долине. От вида бесчисленных зубцов, башен, крыш и балконов начинала кружиться голова.

Некоторые здания выглядели нарочито помпезно, другие — подчеркнуто скромно и строго. Здесь не было единого замысла и стиля или канона — каждая из построек старалась перещеголять соседей своей необычностью. Здесь встречались тысячи окон самых разных форм, сверкавших в лучах заходящего солнца. Некоторые стекла были цветными и складывались в витражи, некоторые — молочно-белыми, надежно скрывавшими все, что происходит за стенами дома. Витражи и фрески соединялись в целые истории, собственно говоря, здесь были представлены все узловые моменты истории Анкарии: Сотворение, Война Богов, Эпоха Раздробленности, Первые Инквизиторы, Строительство Штернентала.

Было видно, что город рос скорее в высоту, чем в ширину. Даже самые маленькие из домов были высотой в добрую сотню локтей — от фундамента до бронзового флюгера в форме пентаграммы. Самые высокие задевали шпилями облака. Большинство домов были своего рода городами в миниатюре — они состояли из множества строений, соединенных воздушными переходами, множества башен, флигелей, внутренних дворов. Для того чтобы обойти Штерненталь и полюбоваться всеми его диковинками, понадобилась бы, наверное, целая человеческая жизнь.

Последние лучи заходящего солнца играли на шпилях, стеклах и витражах, образуя множество радуг. И хотя на горном склоне лежал снег, в городе — вероятно, благодаря магии его обитателей — царило лето. Почва на полях, окружавших город, была черной и плодородной, там зеленели молодые всходы, обещая богатый урожай. Поля были окружены густыми лесами. Более того, на одной из улиц Фальку удалось рассмотреть усыпанные белыми «свечами» каштаны. У стен домов на живых изгородях цвел шиповник. И только небо над Штерненталем было таким же мрачным и затянутым облаками, как и над всей Анкарией.

Глядя на эту идиллическую картинку, Зара сделала вывод, который ей ужасно не понравился: что бы ни говорила Джэйл, колдовство вовсе не было здесь под запретом. Лето среди зимы — как инквизиторы могли не заметить такую улику, когда были с последней инспекцией в Штернентале? Впрочем, если маги Штерненталя используют свое искусство лишь для создания хорошей погоды, она, Зара, ничего не будет иметь против.

— Это невероятно! — прошептал Фальк, его глаза горели, как у ребенка, получившего новую игрушку. — Я даже представить себе не мог, что такое возможно!

Зара не могла не согласиться с ним. В этих причудливых домах, эркерах, балкончиках, шпилях и флюгерах, что переливались всеми цветами радуги, было в самом деле что-то волшебное. И что-то детское. У Зары не было причин доверять волшебникам, не было причин любить их. И все же сейчас она боролась с восторгом и умилением, которые норовили завладеть ее душой.

О подобном городе она мечтала, когда была маленькой девочкой. Город, не знающий зимы, город без грязи, пороков, преступлений. Такой город должны населять белобородые волшебники в остроконечных колпаках, усыпанных звездами. И они, конечно, используют свою магию только для того, чтобы творить добро, радовать людей и устраивать невероятные фейерверки.

Но теперь, когда ее детская мечта сбылась, Зара поняла, что больше не верит в сказку. Это место казалось ей крайне опасным.

Приглядевшись, она увидела, что у подножия великолепных дворцов ютится множество ветхих лачуг, образующих лабиринты самого зловещего вида. Да, здесь не было никаких причин верить в лучшее, зато были все причины готовиться к худшему.

Путники еще долго стояли на уступе, изучая раскинувшийся перед ними город. Они словно приучали себя к его виду, учились не поддаваться его чарам и обаянию. Наконец Джэйл тряхнула головой, словно отгоняя наваждение.

— Пора, — сказала она и вскочила в седло. — Надеюсь, этот склон будет благосклоннее к нам.

Она оказалась права — спуск оказался гораздо легче подъема. Тропа, ведущая вниз, была широкой и не слишком крутой, она вилась живописным серпантинном по горным склонам, как будто была предназначена для увеселительных прогулок. Волшебники явно были любителями комфорта. И у них было достаточно времени, чтобы как следует обустроить свою долину. Чем ниже спускались путешественники, тем теплее становилось. Вот впервые за много недель копыта лошадей коснулись не снега и камня, а мягкой земли и травы. Путешественники скинули дорожные плащи и полной грудью вдыхали воздух, наполненный ароматами цветов.

Примерно через три часа после начала спуска они достигли Штерненталя. Городских ворот не оказалось. Были лишь живая изгородь и арка, увитая плющом. За ней по обе стороны дороги возвышались два массивных каменных обелиска, на которых оказались выбиты едва различимые буквы. Языка, на котором была сделана надпись, не знали ни Зара, ни Фальк — он

пришел из тех древних времен, когда Анкарии еще не было на свете. Но Джэйл с почтением в голосе перевела: «По кривой лестнице поднимешься выше всех».

— Как поэтично! — усмехнулась Зара.

— Это девиз магов Штерненталя, — пояснила Джэйл.

Они вошли в город. Здесь все оказалось вовсе не таким роскошным и красочным, как виделось с уступа. Узкие пыльные улочки и переулки, покосившиеся ограды, грязные, давно не мытые окна. Черепичные кровли почти смыкались над головами путников, образуя настоящие туннели. Копыта лошадей то звенели на разбитой брусчатке, то хлюпали по грязи. Воздух был наполнен каким-то сладковато-горьким запахом. Сначала Заре показалось, что запах этот исходит от мусорных куч, потом она поняла, что так пахнет дым, поднимающийся из труб, как будто на всех кухнях города варится что-то на редкость неаппетитное. Штерненталь не пытался казаться волшебной цитаделью — наоборот, он выглядел обычным городом, в меру чумазым и оборванным. Но Зара вновь и вновь напоминала себе, что должна быть внимательной и не слишком верить собственным глазам. И более всего ее настораживало, что нигде не было видно людей.

По пути им попадались не только жилые дома, но и магазины. Несмотря на полуденное время, все они были пусты — ни продавцов, ни покупателей. Но при этом магазины отнюдь не выглядели заброшенными или разграбленными. Напротив, возникало ощущение, что совсем недавно здесь шла бойкая торговля. На прилавках лежали птичьи перья, старинные фолианты, лекарственные снадобья. Однако путешественники не заметили никаких предметов, явно связанных с черной магией: ни ведьмовского порошка, ни заспиртованных вороньих лап, ни высушенных листьев белладонны. Впрочем, Зара и не ожидала, что запрещенные вещи окажутся выставлены на всеобщее обозрение. Нет, зло обычно прячется до тех пор, когда уже поздно что-то предпринимать против него. Так было в Мурбруке, так может случиться и здесь.

Тем не менее Зара надеялась, что здесь они непременно найдут ответы на все вопросы. Она была уверена в правоте Джэйл: Сальери — священник-убийца из Мурбрука — наверняка связан с Илиамом Цаком и культом Саккары.

Меж тем зоркие глаза вампирши до сих пор не заметили ни одного живого существа, казалось, они трое — единственные люди в Штернентале. Лишь в одном из окон ей удалось разглядеть лицо, мелькнувшее между гардинами: лицо старика с крючковатым носом и острым подбородком. Зара поежилась — глаза старика так и полыхнули злобой. Но через миг видение исчезло — окно стало темным и пустым.

Наконец они заметили трактир — небольшое двухэтажное здание с черепичной крышей и крашенными охрой рамами. Вывеска над дверями гласила: «У шелудивой собачонки». Из открытых окон не доносилось ни звука, но зато оттуда исходили чудесные запахи жареного мяса и пива. Желудок Фалька душераздирающе заурчал, и бедняга заорал не своим голосом:

— Наконец-то мы поедем!

Зара и Тор уставились на него.

— Я сейчас умру с голоду, — сердито пояснил Фальк.

— Не умрешь, — отрезала Джэйл. — Сначала мы нанесем визит кое-кому.

Этот кое-кто обитал, в самой высокой башне города, звался Годриком и был официальным главой анклава магов Штерненталя.

Башня находилась в самом центре города и стояла на высоком холме. Аллея могучих дубов вела к массивной каменной стене высотой в три человеческих роста. За ней виднелась башня из белого мрамора. Ворота охраняли два огромных каменных изваяния с телами львов, головами демонов и крыльями летучих мышей. Они были творением гениального мастера — казалось, что чудовища вот-вот расправят крылья и поднимутся в воздух. Фальк почувствовал, как по его спине стекает струйка холодного пота. Ему померещилось, что глаза изваяний следят за ним. Впрочем, померещилось ли? В таком месте, как это, можно ждать чего угодно. И вряд ли волшебники встретят их с распростертыми объятиями.

Путешественники спешили, привязали лошадей у коновязи и не без труда отворили массивные деревянные ворота. Замков и запоров не было, вероятно, волшебники полагались на другую защиту. По ту сторону ворот их ждали еще два каменных обелиска с надписью на том же древнем языке.

«Путь, ведущий дальше, ведет глубже», — перевела Джэйл.

Что-то мне все меньше нравятся эти пословицы и поговорки, — тяжело вздохнул Фальк и шмыгнул носом.

Они подошли к башне и увидели высокую деревянную дверь. Здесь тоже не было замков, но вдобавок не имелось также ни ручки, ни кольца. Путники остановились в растерянности — им не хотелось ломиться в двери, но они не видели возможности вежливо спросить у хозяев разрешения войти. Меж тем тугие петли заскрипели, и створки распахнулись сами, словно приглашая путников внутрь. Едва путники вошли, двери беззвучно закрылись.

Вампирша, серафима и Фальк оказались в огромном зале, стены которого были отделаны черным полированным ониксом и блестели, как зеркальные. Зал был озарен светом множества факелов. Путники видели свои отражения в стенах, словно теперь их сопровождали молчаливые двойники. Пол также был выстлан черным камнем, но, как ни странно, путники не слышали звука собственных шагов.

В противоположном конце зала была винтовая лестница в башню. Сколько ни задирали Фальк голову, он не смог разглядеть, где она кончается. Казалось, лестница теряется в небесах. При одной мысли о том, что сейчас им придется подниматься по ней, Фалька затошнило. Стоило ли спускаться с гор лишь для того, чтобы прийти сюда?

— Небеса и ад! — пробормотал он. — Сколько же у нее ступеней?

— Шесть тысяч семьсот тринадцать, — как ни в чем ни бывало ответила Джэйл.

Зара испытующе посмотрела на нее:

— Похоже, тебе здесь все знакомо. Ты что, уже бывала в Штернентале?

— И не раз, — отозвалась серафима. — Это было еще на заре инквизиции. Вместе с моими сестрами я готовила это место к тому, чтобы здесь начали строить город-тюрьму.

Лицо Зары помрачнело, когда Джэйл упомянула о своих сестрах. Однако вампирша ничего не сказала.

— С тех пор здесь многое изменилось, — продолжала Джэйл. — И сейчас мы узнаем, к лучшему или к худшему.

С этими словами она шагнула на первую ступень лестницы. Зара, а за нею и Гор последовали ее примеру. Фальк помедлил мгновение, оглянулся еще раз на огромный зал, полный бликов и отражений, потряс головой, словно не верил тому, что видят его глаза. Но Зара нетерпеливо окликнула его, и он без особого энтузиазма отправился за своими спутниками.

Впоследствии Фальк удивлялся, как он, полумертвый от голода и усталости, смог одолеть шесть тысяч семьсот тринадцать ступеней. Здесь явно не обошлось без магии, тем более что сам подъем он толком и не запомнил. Помнил только, как глянул с верхней площадки и увидел далеко внизу крохотный зал.

Одолев лестницу, путешественники увидели перед собой еще одну массивную дубовую дверь. Едва они подошли ближе, створки ее гостеприимно распахнулись. За ней тянулся длинный сводчатый коридор-галерея, также облицованный черным ониксом. И в конце этого коридора они увидели первого обитателя Штернентала. То был старик с длинной белой бородой. В руках он держал деревянный посох. Увидев гостей, старик изумленно всплеснул руками и тотчас пропал, только каблуки его башмаков гулко стучали по ониксовым плитам. Это, несомненно, был волшебник, и он был донельзя удивлен их появлением. Но неужели волшебники не контролируют границы своего города и не обращают внимания на тех, кто входит в него?

Коридор привел путников в зал квадратной формы, отделанный черным с белыми прожилками мрамором. В первую секунду узор белых прожилок казался беспорядочным, но затем можно было различить рисунок — льва с головой орла, увенчанного короной из цветков шиповника, вокруг которой обвилась двухголовая змея с бараньими рогами. Рисунок этот был знаком Заре — она видела его на браслете Сальери и знала, что это символ культа Саккары. Такая находка понравилась ей еще меньше, чем все, что она видела до этого.

Однако додумать эту мысль до конца она не успела — в помещении внезапно раздался звучный и властный голос:

— Прошу вас, войдите!

Зал был почти пуст, лишь напротив дверей возвышался массивный дубовый стол, за которым сидели три седобородых старца, похожих на того, которого они видели в коридоре. За их спинами в стене было прорублено высокое полукруглое окно, и льющийся оттуда солнечный свет окружал старцев золотистыми ореолами.

Однако сидящих за столом отнюдь не осенял свет неземной мудрости. Они выглядели обыкновенными стариками, готовыми побрюзжать и с недоверием относящимися ко всему новому — пусть даже это только новые гости. Больше всего эти трое напоминали Заре королевских советников не самого высокого ранга или сборщиков налогов.

На бородачах, сидевших справа и слева, были маленькие кожаные шапочки, прикрывавшие лишь макушку. Их седые волосы были коротко острижены. У того, кто сидел посредине, на плечи ниспадали длинные белоснежные локоны. У него было худощавое лицо аскета, а левый глаз прикрывала кожаная нащепка. Все трое были облачены в свободные серые мантии и держали в руках посохи.

— Добро пожаловать, путники! — провозгласил сидевший в середине, когда Зара, Джэйл, Фальк и Тор оказались перед ним.

Его голос зазвенел эхом под самым потолком. Старец, явно довольный произведенным эффектом, подождал, когда стихнут отзвуки, и торжественно продолжал:

— Я — Годрик, глава городского совета, и я рад видеть в наших чертогах серафиму. Такого не случилось уже очень давно.

— Итак, ты знаешь, кто мы такие? — спросила Джэйл.

Ее голос прозвучал вполне обычно, как будто эхо сочло ниже своего достоинства повторять ее слова.

Годрик кивнул и стукнул об пол своим посохом, выточенным из белого тиса и украшенным причудливой резьбой.

— Твоя слава опережает тебя, Джэйл, дочь Делары, Защитница Света, — произнес он. — Мы давно и с нетерпением ожидали тебя. Но признаться, мы не ожидали, что ты пожалуешь к нам в такой странной компании. — Он с неодобрением глянул на Зару. — Дитя ночи в этих чертогах — в такое трудно поверить. Но дитя ночи рядом с Серафимой — это и вовсе немислимо!

В его голосе прозвучали осторожность и беспокойство. Прежде всего — беспокойство. Зара ничуть не удивилась. Она и не ждала, что ее здесь встретят как дорогую гостью. Возможно, на душе у этих волшебников было немало злодейств, но они все же были людьми, и одно это, по их представлениям, уже давало им право смотреть свысока на подобных Заре.

Джэйл лишь безмятежно улыbnулась:

— Не забывай, что перед тобой не обычное создание Носферату. Это дитя и очи сохранило живую душу.

Сидящие за столом переглянулись.

— Неужели такое возможно? — Годрик не сумел скрыть изумления.

Он даже прищурился, словно силился рассмотреть душу Зары. Затем его брови снова взлетели вверх, когда он увидел стоящего позади Зары волка. Было видно, что эта пара донельзя заинтриговала старого волшебника. Что до Фалька, то его присутствие оставило Годрика совершенно равнодушным.

— Но так или иначе вы здесь, — сказал старик с прежней важностью и достоинством. — И я спрашиваю вас: зачем вы пришли? Что вы хотите найти в Штернентале?

— Ответы, — коротко отозвалась Джэйл.

— И на какие же вопросы?

— Прежде всего нас интересует судьба Илиама Цака.

— Цака? — Брови Годрика сдвинулись, губы скривились, словно ему было неприятно повторять это имя. — Могу ли я узнать, зачем Илиам Цак понадобился Защитнице Света? Таким, как он, нельзя доверять. К таким вообще лучше не приближаться. Разве мудрой серафиме это неведомо?

— Так Цак еще жив? — вопросом на вопрос ответила Джэйл.

— Что? О да, жив. Он стар как сам мир, но он все еще среди нас. Он живет в башне на опушке леса в полном одиночестве. Тропинка туда давно заросла. Он не хочет иметь с нами ничего общего, равно как и мы с ним. Я не видел его уже много лет. И меня это устраивает. Слишком тяжело вспоминать о том, как он нас предал.

— Каким же образом он вас предал? — поинтересовалась Зара.

Годрик мрачно глянул на нее, а потом ответил тоном, каким учитель отвечает несообразительному ученику:

— Я говорю о том, что он предал высокое искусство волшебства, предназначением которого всегда было лишь познание мира. Он же попытался с помощью магии добиться власти и посягнул на жизнь законного правителя Анкарии. Для нас же магия была лишь наукой, открывающей путь к основам мироздания. И так было бы и по сей день, если бы не прискорбное заблуждение Илиама Цака.

— «Путь, ведущий дальше, ведет глубже», — с улыбкой процитировала Джэйл.

Годрик благодарно кивнул.

— Все, что мы делали, мы делали для блага человечества, — сказал он. — Теперь же из-за того, что натворил Цак, все нас опасаются. Многие жители Анкарии полагают, что единственная наша цель — призвать орды демонов, подчинить их своей воле и бросить на завоевание Анкарии. Люди всегда боятся того, чего не понимают. Им трудно представить себе, что можно обладать властью и не воспользоваться ею в дурных целях.

— И нельзя сказать, что у них нет на то причин, — возразила Джэйл. — Не все ваши братья и сестры чисты сердцем так, как вы.

Годрик вновь кивнул:

— Увы, я должен с этим согласиться. В каждом тысячелетии объявляется несколько магов, которых влекут к себе темные искусства. Кажется, это одна из непостижимых шуток природы — даровать человеку способности и лишить его совести и ответственности. Руководствуясь личным эгоизмом, эти люди причиняют другим немало страданий. Но никто из них не сравнится с Цаком, по вине которого мы и оказались здесь.

В его голосе звучала едва скрытая ненависть.

— А что теперь? — резко спросила Зара. — Чем вы занимаетесь теперь, когда магия под запретом?

— Тем же, чем и в предыдущие тысячелетия, — ответил Годрик, стараясь соблюдать спокойствие. — Нам запрещено практиковать магию, но мы вольны изучать теорию. Мы бережно, по крупице, собираем знания, пытаемся объяснить необъяснимое, ищем пути мирного использования магических сил. Мы хотим научиться применять их во имя счастья всех людей. Может быть, мы сумеем заставить жителей Анкарии поверить в то, что далеко не все из нас подобны Цаку. И тогда...

Но Зара не дала ему закончить:

— Другими словами, вы надеетесь реабилитировать себя и ваше искусство в глазах короля? Вы надеетесь доказать, что магия безобидна, чтобы вам снова разрешили практиковать ее, разумеется, исключительно в «мирных целях»?

Ее насмешливый тон не остался незамеченным. Годрик сдвинул брови и, демонстративно игнорируя вопрос вампириши, вновь повернулся к Джэйл:

— Теперь, когда я сказал вам, где найти Цака, вы, надеюсь, сообщите мне, как официально представителю анклага, что вы хотите узнать? Я несу ответственность за всех обитателей этого города и за все, что здесь происходит. Ибо даже если Цак и не желает иметь дела с нами, его поступки все равно бросают тень на нашу репутацию.

Джэйл пожала плечами:

— Как вы знаете, Цак с давних времен вызывает особый интерес у инквизиции. Да и наш милостивый король желает знать, что поделывает его «заклятый друг». А поскольку вы сами только что сказали, что давно уже не видели Цака...

— Вы хотите убедиться, что он не сбежал? — быстро спросил Годрик.

Джэйл кивнула:

— Такие слухи действительно достигли ушей короля. Есть свидетельства, что Цака видели в самых разных местах королевства: в Хоэнмуте, в Крэхенфельсе, в Маскареле, на кладбище, где стоит усыпальница его предков, на рынке в Тир-Фазуле. Конечно, Штерненталь — это не тюрьма, и каждый из его обитателей может покинуть его в любой момент. Короче говоря, король хотел бы знать, где сейчас находится Илиам Цак.

Фальк не знал, что и думать, — он представить себе не мог, что Защитница Света может так беспардонно врать, причем с таким искренним и невинным выражением лица. Однако он постарался не выдать «моего удивления — несомненно, у Джэйл были причины умолчать о резне в Мурбруке, из-за которой они тут и оказались.

Годрик переглянулся со своими соседями, затем ответил, возможно, чуть поспешнее, чем нужно:

— Илиам Цак сбежал? Это невозможно! Никто и никогда не покидал анклав, и если бы кто-нибудь только попытался, я тотчас узнал бы об этом. У нас нет ни стен, ни порот, но мы и не нуждаемся в них, потому что у нас есть иные возмож... — Внезапно он прервался на полуслове, словно сказал нечто такое, чего говорить не следовало. — Одним словом, Цак находится в своей башне уже пять столетий и останется там до самого конца. Если нужно, я готов поклясться...

— Я верю вашему слову, — склонила голову Джэйл. — Но у меня приказ короля, и я должна убедиться лично, что эти слухи лживы и Цак находится в Штернентале. Наш король очень мудр и дальновиден. Он считает, что даже самый невероятный слух заслуживает внимания и проверки.

— Слухи, слухи... — проворчал Годрик. — Это пустая болтовня, и только. Ручаюсь, в Штернентале все идет как должно. Поверьте моему слову, тот, кто прислушивается к слухам, — просто осел! Если бы я верил всему, что болтают в городе, то давно сошел бы с ума. У людей мало развлечений, вот они и придумывают невесть что...

— Говорят также, что слух в последнюю очередь достигает ушей того, кого он больше всего касается, — твердо сказала Джэйл.

— Ну что же, может быть, вы и правы, — со вздохом отозвался Годрик, видимо, он понял, что спорить с Серафимой бесполезно. — Разумеется, вы вольны в своих поступках, а приказ короля открывает перед вами все двери в Штернентале. Я полагаю, вы остановитесь в «Шелудивой собачонке». Брутус, хозяин трактира, позаботится о том, чтобы вы ни в чем не испытывали недостатка. Он может показаться угрюмым и необщительным. Но он — верный человек и отличный хозяин. Советую вам попробовать его стряпню, и обязательно закажите эль. Ради такого эля я остался бы в Штернентале, даже если бы мне представилась возможность уехать. — Годрик улыбнулся почти заговорщицки, однако тут же снова посерьезнел и сказал со вздохом, словно его собственные слова были ему не совсем по душе: — Вы можете навестить Илиама Цака в любое время, если находите, что это необходимо. А теперь прошу извинить меня...

Джэйл поклонилась с такой учтивостью, словно Годрик и в самом деле оказал им самый любезный прием.

На том аудиенция и окончилась. Едва дверь за путниками закрылась, Зара презрительно фыркнула, давая волю своему гневу:

— Великие небеса, что за болван! Его тупость может сравниться только с его же высокомерием!

Но Джэйл, казалось, вовсе не была возмущена столь холодным приемом. Если она и была чем-то недовольна, то виду не подавала. Пожав плечами, не отвечая на гневные слова Зары, она пошла по коридору к лестнице.

Однако Зару ее поведение рассердило ничуть не меньше, чем пренебрежение, выказанное официальным «болваном». Вампирше не нравилась мысль о том, что у серафимы имеются какие-то тайны. Раз уж Зара ввязалась в эту историю, она желала в полной мере доверять спутникам.

— Почему ты им солгала? — спросила она, когда они уже спускались по лестнице.

— Солгала? — удивилась Джэйл. — О чем ты?

— Я говорю об этих волшебниках! — не отставала Зара. — Почему ты не сказала им всей правды?

— Потому что в этом не было нужды, — спокойно пояснила Джэйл. — И еще потому, что у стен есть уши. Нам лучше соблюдать осторожность.

— И как можно скорее поесть! — воскликнул Фальк в нетерпении. — Я готов скатиться кубарем по этой лестнице, если внизу меня будет ждать тарелка супа!

И снова ни Фальк, ни его спутницы не заметили спуска — то ли из-за усталости, то ли благодаря магии (Зара решила, что второе вероятнее). Они просто очутились в нижнем зале, и двери тотчас распахнулись перед ними. Тут путешественникам и очередной раз пришлось удивиться. Они видели здесь уже достаточно чудес. Но, похоже, в Штернентале чудеса действительно встречаются буквально на каждом шагу. И одно из них как раз поджидало Джэйл, Зару, Фалька и Тора за дверями.

Пока они гостили у Годрика, на город опустилась ночь. Лишь в немногих окнах светились слабые огоньки, но улицы и переулки тонули в непроглядной тьме. Луна то показывалась, то вновь исчезала в быстро несущихся по небу облаках. Воздух оказался неожиданно холодным. Под ногами у путешественников шуршали опавшие листья, и, когда на них падал лунный свет, можно было увидеть, что они уже не зеленые, а медно-бурые. От земли поднимался горьковатый запах преющей листвы. Вскоре закрапал мелкий холодный дождь.

Сомнений не было — за какой-то час день превратился в ночь, а одно время года сменилось другим.

Лето покинуло Штерненталь.

Теперь здесь царила осень.

<http://tl.rulate.ru/book/15991/334112>